

Нина ОРЛОВА-МАРКГРАФ

НА НЕБЕСНУЮ РОДИНУ

*Что лиц милей, ушедших без возврата?
Мы были вместе. Память их жива.
Я помню каждый взгляд и все слова.*

Константин Бальмонт

Памяти Магомеда Ахмедова

Умер Магомед Ахмедов. Это скорбное сообщение получила в самолете. Я летела на родину, а он в это время летел на свою небесную родину. Я разговаривала с тобой, а ты молчал. Наш многолетний диалог осиротел. А мой монолог был горьким, слабым и растерянным. Прощай, Магомед, мой брат.

Первая горячая мысль, отчаянный вопрос к тебе был: Магомед, зачем ты ушел? Друг юности, я помню тебя восемнадцатилетним. Вместе учились в любимом Литературном институте, жили в одном студенческом общежитии, занимались в одном поэтическом семинаре. Юные, непримиримые. Какие страстные споры, какой шум сопровождал обсуждение стихов кого-либо из семинаристов! Ты всегда садился впереди, весь уходил в происходящее. Мне с галерки ты виделся седоком, приподнявшимся в седле, устремленным, взвол-

нованным, мчавшимся. А когда ты вставал во весь рост, чтобы высказать свое мнение, говорил энергично, напористо; в этом слышался орлиный клекот и клекотание потоков, несущихся с гор твоего родного Дагестана. И я ощущала ауру аварских гор, наверное, тысячу раз за жизнь воспетых тобой в стихах на аварском языке. А язык аварский – он сам весь из звуков – шелканья, щебета, клекота, всхлипа горных вод, криков птиц. Юность, счастье наше, сколько веселых проделок, шуток, всяческого безмятежного баловства! Я помню твой смех, твой

МОЛИСЬ, ГОРА!

*На руках возмут ты,
не когда преткнешь о камень ногу твою:
на аспиде и василиска наступиши...*

Из Псалма Давидова

Магомеду Ахмедову

Молись, гора, и на ночь, и с утра
о мальчике аварского аула,
он держит не скрижали, но тетрадь,
уж запеклись и вымерзли чернила,
шершавый ветер ходит, как наждак,
а дуги строк над скалами повисли –
их отразит хрустальная вода,
и на вершине вечный мрамор льда
преобразит и приумножит смыслы.

Молись, гора, на пламенный Восток,
о юноше наивном из Гуниба,
где б он сегодня ни бродил,
где б ни был,
храни его, Великое Плато.
Там ярусами горные луга,
как на Руси, нарезаны долины,
медвежьим лакомством полны кусты малины,
и можжевельника – душистые стога!
В низине – груша, в марево одета,
ее воздушная и дикая душа
вся в грушевидных дольках света!
Кизил и барбарис еще чуть розов,
и диво дивное – здесь даже есть березы!
Они шумят, как сестры из Мещеры,
и звери белым днем выходят из пещерок:
лиса с серебряным подпутьем, рядом заяц,
и смотрит волк, не злясь и не кусаясь,
совенок спит на лапах ели
в своей еловой колыбели.
Бубнит тетерев, перепел поет –
какие льются трели!
На «есть хотите?» гогочут гуси: да-да-да-да
и щелкает летящая в ущелье вода,
звучаньем царским она похожа
на язык аварский.

По мегаполисам шагая, древним стогнам,
быть может, он не вспомнит о тебе,
но ты прости свой каменный хребет,
склони главу у самого Престола!
Где васильки небес, где слышен горный гимн,
молись, гора, ты так от Бога близко,
чтоб не преткнул о камень он ноги,
не наступил на жало василиска.

хохот, молодой и беспечный. Нас с тобой постепенно и дальше - больше, я думаю, сблизила страстная любовь к литературе и особенно к поэзии, чтение взахлеб, синхронное погружение в книги. Здесь, в Москве, нам вдруг открылись новые океаны литературы, поэзии. Мне русский язык был родным, а ты, аварец, с энергией и скоростью, тебе присущей, постигал его глубину на ходу. Твоя любовь к русской литературе, истории, была с тобой до конца. Я позвонила тебе в больницу и первое, что спросила, какие книги ты взял собой в палату. «Исповедь» Толстого и любимого Блока», – ответил ты. Это было за месяц до твоего ухода в вечность.

Много раз я бывала в твоём родном Дагестане. Первый раз еще в студенческие годы. Об этом однажды написались строчки, сами собой:

Я помню Дагестан годов семидесятых.

Моложе Каспий был. Он льнул к моим ногам.

А брат мой Магомед глядел ревнивым братом.

*Да, кажется, тогда я обрела в нем брата -
на этих берегах.*

В течение жизни я еще много раз приезжала в Дагестан, узнавала эту землю, ее поэтов, виделась с тобой, с Мариной, с Шейит-Ханум, со своими давними друзьями. Этот край мне стал родным, любимым. Нигде нет таких гор, как в Дагестане. Они красивы особой, духовной красотой, в них есть какая-то молчаливая смиренность перед Небом, которое выше всего сущего. Дух этих гор – во всем твоём творчестве. Всю жизнь, приезжала ли я в Дагестан или ты в Москву, если выпадала встреча, мы читали стихи, ведь главной нашей любовью оставалась до конца поэзия. Я могла произнести любую строку одного из многочисленных любимых поэтов, ты подхватывал, и мы читали дальше вместе. Наш диалог осиротел.

Знаю, твой процесс самообразования продолжался всю жизнь, это отточило твой талант поэта и блестящего оратора, (уж совсем нынче редкий дар). Ты не был пай-мальчиком, по жизни всякое бывало, но пройдя через искушения, ты возвратился к истоку. Ты должен был выйти к свету и вышел. Обрел веру, которая помогла жить дальше и многое сделать во имя родного, непрестанно воспеваемого тобой, Дагестана. Сколько лет ты нес на плечах этот забирающий все силы груз общественной работы. Когда-то я была свидетелем того, как Расул Гамзатов, великий поэт, руководитель Союза писателей Дагестана, увидел в тебе, юном Магомеду Ахмедове, своего восприемника. Думаю, это был пророческий взгляд.

Знаю, дорогой, ты любил эти стихи, давно посвященные тебе.

